

4. Хмелик А. 54-55
5. А все-таки она вертится или
Гулливер в небе летит?
6. Тар. Руд. драматич. театр.
7. Рет. - Ниценко Г. Г.
Худ. - Коньев М.

А. Хмелик
"А все-таки она вертится"
"Тар. Руд. драматич. театр."

16 МАИ 1985

вечерняя Уфа
г. Уфа

РАМПА

ЭТОТ СТРАННЫЙ ЛОПОТУХИН

Воскресенье герой спектакля Распутинанского русского драматического театра «Где ты был, Лопотухин?» по пьесе А. Хмелика «А все-таки она вертится» Васи (И. Капатов), подкрепленное «бурным пологом» информация космического века и усердным чтением научно-фантастической литературы, оказалось куда как богатым.

Являясь впервые на контрольную по математике Васе, помещая на сей раз не что иное, как... летающая тарелка, видит инопланетянина-гуманоида. Интересно? Конечно! Кому сейчас безразличны сообщения о неординарных летающих объектах и аномальных атмосферных явлениях? Захватывает? Вовсе нет! Да как сказать? Учителям! Алле Константиновне (Е. Лукьяненко), скажем прямо, не очень. Последнее сообщение Лопотухин «стало той самой каплей, которой было суждено переполнить чашу терпения и довести «молодого педагога до «нервного потрясения». Не удивляет «головомучительная романтика встречи с братишкой по разуму и директора Юрия Леонидовича (Ю. Шумилов). До пришедшей из ему, жюри (назвать-то нельзя), учебный процесс под угрозой срыва. Даже первокурсники — «важнички». Бежит по школьному коридору Гулливер в небе летит и кричит: «Бросай учиться!»

Но самое главное — неслыханно Васе Лопотухину. Игорь Капатов здесь от того, чтобы «пленять юного зрителя, предстает в обличье эталонной безразличности — обаятельного озорника — трояк неграмотнейших учителей, равно как и от того, чтобы «пленять» взрослого зрителя плакатным спектаклем, чуждым чуждому.

Странный Лопотухин? Капатов — типичный обыкновенный, живой мальчишка, которому повесело не по той причине, что его будут разбирать на совете дружины, а потому, что ему не верят. Сработавшая привычная установка: все едино — летающая тарелка или сломанный будильник! И тогда сквозь комизм ситуации начинает проглядывать драма. Самая настоящая. Драма фантазера и мечтателя, которого постоянно призывает вселенский спилсмен «вожущихся педагогов», «выдвинутого» работ. общественников — всех агрессивных настроенных радикалов.

Правда, намерения директора Юрия Леонидовича агрессивными не назовешь. Он даже может с воодушевлением рассуждать о тайнах космоса, а в беседе с Васей и его мнимым отцом, роль которого Лопотухин попросил сыграть сантехника, даю Нотариуса (А. Козлов), Юрия Леонидовича всего-то навсего призывает к разумному, с его точки зрения, компромиссу: «Взвесьте, четверть снимается, если Лопотухин объявит, что вся эта история с летающей тарелкой — шутка. Когда — не Вася, астронавт, отказывается, то еще одним действующим лицом этой сцены становится... ремень для Юли. Ой-го, этот ремешок, и помогает развешивать мистический туман, который окутал школу. «Для твоей же пользы», — деловито скажет постановщик напаша и выпустит Лопотухина.

Правда, здесь имеется некое несоответствие взрослому и детского восприятия. Для юного зрителя происходит нечто иное — только-только. Для зрителя взрослого — не только и даже не столько ошело, сколько друга. Ну а в конечном

счете, дело здесь не только в возрастном различии восприятия, но и в том, что драма героя смогла бы получить в спектакле более глубокое развитие.

Да, он странен, этот Лопотухин. Своей совсем не-

токолирующих заседание «трех девочек, трех сплетниц» (Ж. Яркова, А. Галимова, Е. Волошина)? Другое дело — Павлов, Петров и Шафиров! Именно они под руководством образованного, умного, талантливого, делового и предприимчивого в современных ритмах (музыка — А. Нариков, балетмейстер — И. Филиппова) спектакль как бы приостанавливается. Все начинает происходить словно при замедленной съемке. Это очень верно, нетерпеливому ожиданию всегда кажется, что время идет невыносимо медленно. Но это и художественно верно и точно. Лопотухин — другой. Он возмущается сложной, уверенный, озабоченный каким-то внутренним светом, даже чуть насмешливый. Да, он был в другом измерении. Он был и не был другим. А был он там, где никогда не побывать Полуэктову, трем девочкам, Алле Константиновне и куда даже Шафирову еще идти и идти!

«Где ты был, Лопотухин?» — вновь звучит знакомое приветствие. На сей раз оно обращено к Васе, возвращающемуся из... космоса (история-то фантастическая!). Пластины, танцевальный, деловым потруженный в современные ритмы (музыка — А. Нариков, балетмейстер — И. Филиппова) спектакль как бы приостанавливается.

Все начинает происходить словно при замедленной съемке. Это очень верно, нетерпеливому ожиданию всегда кажется, что время идет невыносимо медленно. Но это и художественно верно и точно. Лопотухин — другой. Он возмущается сложной, уверенный, озабоченный каким-то внутренним светом, даже чуть насмешливый. Да, он был в другом измерении. Он был и не был другим. А был он там, где никогда не побывать Полуэктову, трем девочкам, Алле Константиновне и куда даже Шафирову еще идти и идти!

И пусть болдо звучит жанрово-утраченная нота финала, все же есть в фантастической шутке некое. Галины Ниценко доля правды, потому что в жизни не все так просто и однозначно, как в детстве. Но в детстве, как в детстве, а в мечту начинается с вены в Чеховна. Вель ему и никому другому творить эти чудеса — превращать Мечту в жизнь. Так было всегда. Во все времена.

Г. ВЕРНИКАЯ

НА СНИМКЕ: О. Бордюков (Павлов), И. Капатов (Лопотухин) и Е. Волошина (Петров) в спектакле «Где ты был, Лопотухин?».

Фото Р. КУДОРОВА

детской убедительностью, организмом неприятия, побуждающего к действию, сцена отречения превращается в сцену отлучения. Лопотухин отлучается от Мечты, кто ее не должен. Собственно, кого убеждать Лопотухину? Самоуверенного Полуэктова (Р. Садиков), председателя совета родителей с амальгамными бровями, или мистифицированного рукожода? Или предостерегающе про-

сказки страстями Шафирова и организуют комиссию по расследованию лопотухинских показаний. Молодые актеры О. Бордюков, Е. Волошина, Б. Маслов, И. Агапова играют с таким горючим азартом и даже с некоторым чувством ностальгии по не такому уж далекому для них школьному прошлому, что порою возникает полная иллюзия: на сцене — подро-